не мóжутъ, чей человѣкъ, и гóлову эту найти не мóжутъ. Тутъ óбискъ шолъ.

Вразъ къ етимъ рыболовамъ подходятъ, къ hосударю съ солдатикомъ. У hосударя былъ мѣшечикъ, и въ етомъ мѣшечикѣ карась етотъ былъ полóженой. — „Позвольте васъ обыскать: што у васъ такое въ мѣшкѣ лежитъ?“ — „Это у насъ карась купленъ“.

Сýнулись въ мѣшокъ: вмѣсто карася очутилась человѣчья голова въ мѣшкѣ у нево.—„Пошто́ вы обманываите? говорили, што карась! Вы, навѣрное, гóлову ссѣкли?“ — „Ничево я не знаю! я *купля́лъ* карася́!“

Тутъ жо ево живо россуди́ли на вѣселицу. И когда завяза́ли къ столбу́ на *въскй*, начинаетъ крести́цца. „Погиба́й, моя голóвушка, безви́нно!“ — Головой мотну́лъ, будто въ петлѣ-то, и самъ носомъ-то въ стаканъ чаю.—„Што ты, салдатъ? ты сожокъ меня!“

Въ ето времѣ три минуты прошло.—„Теперь можешь отправляцца домой!“

---

61. [Безстрашный солдатъ].

(Разсказалъ Д. Е. Лёзинъ).

1. Салдатъ говоритъ: „дайте мнѣ какой-нибудь чинъ!“— „Какой же чинъ?“ — „Да хоть какой-нибудь!.. Дайте мнѣ названіе: „Безстра́шный ата́манъ“.—Государь ему говоритъ: „Ну, будь ты безстрашный атаманъ, коли́ такъ!“ — „Кohда дали и́мя „безстрашный атаманъ“, дакъ дайте мнѣ какованибудь слугу́!“—„Какова слугу?“—А у нево былъ любимой това́ришъ, Мартышка служивой, салдатикъ. — „Дайте мнѣ Мартышку служивова!“ — Да́ли ему. Онъ отправляетца совсѣмъ домой, съ Мартышкой со слугой.

Идутъ доро́гой. Вёрстъ етакъ съ 20 или съ 30 отошли́. Врасъ такая лужаечка являетца, бугоро́къ. Мартышка и говоритъ: „Давай по етой лужаечкѣ погуляемъ!“ — Ходятъ и цвѣточки рвутъ всякіе.

Врасъ ѣдетъ барыня на тройкѣ съ колокольца́ми. Подъѣзжа́тъ къ етому мѣсту: „Кучеръ, стой, остановися! Поди спроси: чё етотъ народъ дѣлатъ? чево сбираютъ?“—Кучеръ подходитъ: „Вы што здѣсь дѣлаите?“—„А вотъ мы доктора́,

сбираемъ свѣтки на лѣкарство; изъ етихъ сьвѣтковъ мы всякіе лѣкарства дѣлаемъ".

Кучеръ подходитъ къ барынѣ. — „Пойдёмъ съ тобой!"... „Эти свѣты къ какимъ лѣкарствамъ идутъ?"—Безстрашный атаманъ начàлъ высказывать барынѣ: „Это вотъ отъ обжòги, это вотъ отъ простýды; вотъ—*тваръ*, змѣй, окýситъ какова человѣка—можно излѣчáть".

„Давай поръвёмъ мы съ тобой етихъ свѣтовъ!" (барыня говоритъ кучеру) — Безстрашный атаманъ мигнулъ своему слугѣ Мартышкѣ: „Иди ближе къ кóнямъ!"—А барыня ходитъ вмѣсьтѣ съ кучеромъ, сбираютъ они. — Подошлú къ кóнямъ, сѣли на кóней и живо маршъ. Угнàли.

2. Ѣхали, ѣхали, доѣхали до клáдбишша; заѣзжаютъ на клáдбишшо. — „Мартышка, отрывай три могилы, свѣжіе которы!" — Мартышка отрылъ три могúлы, вытасшылъ трёхъ покойниковъ.—„Клади, Мартышка, ихъ въ повóску!" — Мартышка ихъ положилъ въ повоску, и поѣхали опять своей путёй-дорогой.

Смотрютъ: въ лѣсу домъ стоúтъ двуетáжной. — „Слуга Мартышка! воротú къ етому дому!"— Падьѣхали, смотрятъ: въ одной половинѣ агонь. Стýкнулись въ вороты, — вороты былú отворены. Заѣхали во дворъ. Въ дверь въ сѣннýю началú стучáцця, — она была зáперта. Изломали дверь, заходятъ въ кóмнату. Въ этой комнатѣ одна старуха.

Безстрашный атаманъ спрашиваетъ: „Хто здѣсь проживаетъ?"— „Такіе-то люди, 12 человѣкъ, разбойники". — „Гдѣ они у тебя?"—„Уѣхали на охòту, скоро явяцца". — „У тебя, старая чертовка, гдѣ-нибудь деньги есь?" — „Нѣтъ, Ваше Благородіе!"—Живо въ камóдъ; нашолъ денегъ тутъ сотъ до пяти рублей. — „Што, старой дьяволъ, говоришь, што денегъ нѣтъ? вѣдь ето деньги!"—Берётъ ихъ, кладётъ въ карманъ.

„Давай намъ што-нибудь поѣсь!" — „Ничевó нѣту!" — „Врёшь!"—Живо самъ въ печь. Тамъ было мясо нажàрено; вытасшылъ всё, сѣли съ Мартышкой за столъ; виниúшка достали бутылку.—„Ну, теперь, Мартышка, *айдá* на палати залѣзёмъ спать!"—Залѣзли.

3. Только леглú, самые разбойники ѣдутъ, 12 человѣкъ, съ пѣсьнями, со свúстомъ. Старуха имъ жалуетца: „Такіе-то люди заѣхали ко мнѣ.... Сами теперь лежатъ на палàтяхъ".—

„Сечасъ мы съ ними расчитаемся! Давай намъ закусить кое-чево сперва!“

Стали обѣдать. Безстрашный атаманъ открылъ занавѣску, гледитъ съ полатей.—„Здраствуйте, братцы!“— „Здраствуй! Сечасъ мы поужинаемъ да расчитаемся съ вами!“—„Чево,—говоритъ:—со мной расчитывацца? Я самъ сечасъ слѣзу, съ вами поговорю!“ — Слѣзаетъ съ палатей, садицца съ ими; беретъ ложку и начинатъ тоже съ ими мясо ѣсьть.

Тѣ смотрятъ на нево.—„Што ты? — говорятъ: У насъ у самихъ мало! ты до насъ ѣлъ!.. “ — „Постойте! у меня своё есьть!“

„Мартышка-слуга! тащшы-ко мнѣ одново-то удавьленника сюда! Я поѣмъ немного. Ѣсь шипко хачу!“ — Мартышка живо побѣжалъ, тасшытъ мертвеца изъ повозки.—„Извольте, безстрашный атаманъ! ѣшьте!“ — Онъ припалъ къ уху, взялъ ево за ухо, потеребилъ, потеребилъ: — „Што ты,—говоритъ: — Мартышка? Вѣдь ты ево проквасилъ!“ — Эти разбойники всѣ смотрятъ: што такое?

Бросилъ ево середь полу. — „Поди, тасшы другова!“ — Мартышка побѣжалъ за другимъ. Тасшытъ. Онъ другова тоже за ухо. — „Што ты, дуракъ? ты и етова проквасилъ!... Тасшы послѣдьнёва! можетъ тотъ не проквашеной?“—Притасшылъ. Припалъ къ третьему, попробавалъ, попробовалъ. „Хмъ, с...нъ сынъ! и етова проквасилъ!“

Потомъ взглянулъ на нихъ.—„Дава'-ко мнѣ,—говоритъ:—вотъ етова съ краю-ту!“ — Мартышка живо схватилъ етова крайнова разбойника. Оставшіе выскочили и живо изо стола бѣжать. Всѣ разбѣжалися.

Имушчество забрали, сѣли со слугой Мартышкой и уѣхали.